

Олег Табаков: «Я ПОНЯЛ, ЧТО НАДО УСПЕТЬ ЖИВЫМ ДАТЬ ПОБОЛЬШЕ ЛЮБВИ»

В свои 73 он по-прежнему полон творческих планов — много играет на сцене, является руководителем сразу двух театров: знаменитой «Чайки» — МХТ им. Чехова и «Табакерки» — собственного театра-студии. А еще Табаков учит студентов и мечтает открыть в России школу для одаренных детей. Его энергии и жизнелюбию завидуют многие молодые коллеги.

Мастер постоянно в работе. Сложно сказать, чего в его актерском багаже больше — ролей в театре или в кино. Он снялся более чем в 100 фильмах:

«Семнадцать мгновений весны», «Война и мир», «Двенадцать стульев», «Человек с бульвара Капуцинов»... И везде кажется: лучше Табакова может быть только Табаков, даже если он играет женщину.

Ученики Олега Табакова, сегодня уже известные актеры, говорят: мы за ним не поспеваем, у него атомный реактор внутри.

Олег Табаков никогда не скрывал, что гордится своими воспитанниками. Успех учеников он воспринимает, как свой собственный.

— Олег Павлович, остались ли у вас непокоренные вершины, есть ли мастера, которым вы завидуете?

— Думаю, что всерьез итоги подводятся уже там, на небесах. Но в одном я состоялся несомненно: у меня дети, трое внуков, есть целый ряд состоятельных в художественном смысле учеников. То есть весь я не умру, душа будет жить в том, что будут делать Женя Миронов, Миша Хомяков, Андрей Смоляков, Саша Мохов, Дуся Германова, Марина Зудина... Я имею в виду, прежде всего, «Табакерку». Вы знаете, если выстроить моих учеников, то это будет радость для глаз. Вот это для меня главное, в конечном итоге.

— Вас называют человеком, который умеет брать ответственность на себя. Есть люди, к мнению которых вы прислушиваетесь? Может, это критики?

— У меня были и есть критики, которых я уважаю. Но думаю, что самый строгий ценитель того, что делается в театре, это я сам.

— То есть даже не зритель?

— Нет, не зритель. Зритель обманываться рад. Иногда бывает, что он не видит чего-то существенного или реагирует на фальшивку. Зрителя можно понять: он заплатил деньги, пришел с девушкой, чего же ей портить настроение? Потом, у нас доброжелательная публика, в России актеров любят, пожалуй, как нигде.

— На ваш взгляд, критики театру помогают или мешают?

— Талантливые люди помогают, а не талантливые... Впрочем, я давно ко всему этому отношусь спокойно.

— Про вас говорят, что своих актеров вы любите и даже балуете...

— Просто, потеряв целый ряд близких людей, я понял, что надо успеть живым дать побольше любви. Любить — это ведь очень конкретное. Знаете, как Станиславский спрашивал актера: «Что такое любить?» — и отвечал: «Это желать касаться». А желать касаться — это значит поддержать или помочь. Любовь — это занятие активное, любовь — это то, что удерживает человека на этом свете, в этой жизни.

— Что бы вы назвали главным свойством, необходимым актеру да и просто интеллигентному человеку?

— Наверное, толерантность, умение поставить свою точку зрения под сомнение. Душевность. Доброжелательность. Это свойства русского интеллигентного человека.

— Сегодня быть интеллигентом непросто...

— Интеллигентам вообще всегда жить нелегко. Потому что нелегко. Мне лично нелегко, что я так живу. Я ведь не так уж много денег зарабатываю, но, когда вижу человека, попавшего в беду, бывает, что от своих небольших денежных запасов посылаю кому-то что-то. Причем я делаю это скорее для себя, потому что в тот момент сжало горло.

— Но ведь всем страждущим так не сможешь, и потом, интеллигентность, она не деньгами выражается.

— Я не про денежный эквивалент говорю, а про отзывчивость на боль.

— Олег Павлович, невозможно поверить, что вам 73 года. Выглядите вы гораздо моложе своих лет! И это не пустой банальный комплимент...

— Да я верю! Моей младшей девочке, дочке, вот только два года исполнилось. Недавно. Так что... Что ж тут дискутировать на эту тему!

— Вы кому или чему должны быть благодарны за это? Это гены?

— Гены. Конечно. Это наследственность, которая мне досталась от отца. Прежде всего. Но это не достоинство — это данность.

— Но все равно, видимо, чем-то вы это подкрепляете?

— Работой.

— Великая заслуга в этом, не сомневаюсь, и вашей супруги — актрисы Марины Зудиной...

— Думаю, да.

— Спорт некий, наверное...

— Не-е-ет, никакого спорта!

Просто я, скажем, после такого спектакля, как «Амадей», теряю каждый раз в весе 700—800 граммов. Тут дай бог, чтобы как-то компенсировать это все. Если учесть, что активный период сезона — это 300 дней в году, а я играю каждый третий день и значительная часть моих спектаклей — это такие вот, энергозатратные, так что какой уж тут спорт?..

— Вы двуязычный, Олег Павлович!

— Может быть. Я не стану спорить, но могу сказать, что у меня ведь есть разные обязанности. Я член совета по культуре при президенте, я член комиссии по высшим наградам России...ну и так далее. Одним словом, работы хватает.

— А была мысль, наверное, попрощаться со сценой и заниматься уже только руководящей работой?

— Нет, я скорее наоборот сделаю!

— Серьезно?

— Конечно, я скорее перестану руководящей деятельностью заниматься, нежели... Хотя планы развития театра у меня — и одного, и другого — вполне наполеоновские. И если мне удастся их осуществить... Я говорю о строительстве филиала для Московского художественного театра. Труппа театра до-вольно велика. И, конечно, мы могли бы работать больше и интереснее. Плюс к этому это необходимо еще и для того, чтобы поставить на ноги молодое поколение. Достигается, кстати, это очень простым способом. Молодые люди должны играть на сцене со своими старшими товарищами, которые уже умеют играть.

— Какие нынешние наши режиссеры предлагают вам роли в кино?

— У меня мало

времени на то, чтобы сниматься. Я, может быть, за последние лет пять картин девять только сделал. Просто физически нет времени. Я с молодежью работаю. Работаю с Дмитрием Астраханом, уже вполне сложившимся мастером.

— Свои роли и свои фильмы — те, в которых вы снимались, — вы любите без исключения все. Они ж как дети... А не из своих фильмов? Есть ли у вас такие, которые вы готовы пересматривать и в сотый раз с неизменным удовольствием?

— Это «Восемь с половиной» Феллини. Некоторые картины Висконти, Вуди Аллена. Ну и картины наших режиссеров. Меня очень порадовал молодой режиссер Попогребский. Нет, у нас есть еще порох в пороховницах.

— Бояться нечего? Подрастают новые гении?

— Да! Я думаю, по части талантов Господь Бог по-прежнему склонен к нашей России.

— Ваши самые близкие друзья — кто эти люди?

— Из людей моей профессии я ближе других ощущаю Валю Гафта. Мы с ним с одного курса. Галю Волчек.

— Вы большой книголюб...

— Я книголюб!

— Что-то за последние годы зацепило из прочитанного? По-настоящему?

— Ну, вы знаете, я всегда стараюсь интересное переплавить для театра. У меня очень живой интерес вызывает Алексей Иванов. Мне очень интересен Павлик Санаев с его повестью «Похороните меня под плинтусом». Мне интересны Захар Прилепин, Дмитрий Быков.

— Олег Павлович, если ваши дети однажды подойдут к вам и скажут: «Пап, мы тоже хотим, как ты, стать актерами и пойти по твоим стопам», вы отпустите их в это плавание?

— Если я пойму, что они действительно не могут без этого, то, конечно, отпущу. У царя Солмона это было сформулировано так: человек должен быть счастливым при том, что он делает. Я не видел никогда, чтобы запрет на профессию принесил счастье кому-то. Ни-ко-гда.

— Вы счастливый человек?

— Ну, «счастливый» про себя может сказать только дурак. Счастье — это мгновения. Это случается достаточно редко. Когда они происходят, не всегда ты успеваешь осознать, что ты счастлив. Но это то, что дает силы жить... Жизнь вообще самый главный подарок для человека.

— У вас было хоть раз в жизни такое, когда вы говорили сами себе: «Все! С нового года начинаю новую жизнь!»?

— Нет, вы знаете, я живу одну жизнь... Наверное, крутым таким, что ли, поворотом в моей жизни был 64-й год. Когда у меня случился инфаркт. Когда я отлежал в больнице... А тогда, знаете, какая методика борьбы с инфарктом была? Надо было семь недель лежать на спине!

— Адское испытание...

— Да, и аспирин еще принимать. Я допринимался до того, что у меня образовалась язва желудка! Но вместе с этим, когда я поднялся, когда Господь Бог дал мне шанс оценить, какую же ценность представляет жизнь, то можно сказать, что я все переосмыслил...